

Возвращение истории. Холодная война как руководство по современным международным кризисам

Игорь Истомин,
Никита Неклюдов,
Андрей Сушенцов

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-61-8

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Международный дискуссионный клуб «Валдай» и авторы доклада признательны участникам нескольких обсуждений опыта холодной войны при анализе современных кризисов за их вклад во всестороннее рассмотрение темы:

Дубинину Юрию Алексеевичу

профессору кафедры международных отношений и внешней политики России факультета международных отношений МГИМО МИД России;

Дьячкову Илье Владимировичу

доценту кафедры востоковедения факультета международных отношений МГИМО МИД России;

Киреевой Анне Андреевне

доценту кафедры востоковедения факультета международных отношений МГИМО МИД России;

Липкину Михаилу Аркадьевичу

заведующему кафедрой всемирной истории факультета международных отношений МГИМО МИД России;

Лукьянову Фёдору Александровичу

директору по научной работе Фонда клуба «Валдай»; главному редактору журнала «Россия в глобальной политике»;

Павлову Николаю Валентиновичу

профессору кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО МИД России;

Печатнову Владимиру Олеговичу

профессору кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО МИД России;

Стрельцову Дмитрию Викторовичу

заведующему кафедрой востоковедения факультета международных отношений МГИМО МИД России.

Авторы доклада благодарны за организационное и техническое содействие в подготовке доклада:

Даниленко Алексею Дмитриевичу

магистранту МГИМО МИД России;

Руденко Елизавете Алексеевне

стажёру Института международных исследований МГИМО МИД России, магистранту МГИМО МИД России.

Об авторах

Истомин Игорь Александрович

Доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем;
ведущий научный сотрудник Центра перспективных
американских исследований МГИМО МИД России

Неклюдов Никита Яковлевич

Эксперт Института международных исследований
МГИМО МИД России

Сушенцов Андрей Андреевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба
«Валдай»; декан факультета международных отношений
МГИМО МИД России

Содержание

- 4 Вперёд в прошлое?
Особенности кризисов холодной войны
- 7 Концептуализация кризиса.
Дебаты рационалистов и скептиков
- 12 Опыт взвинчивания ставок:
стили лидерства и кризисные решения
- 18 Влияние на кризис третьих стран

Вперёд в прошлое? Особенности кризисов ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Как и в предшествующие эпохи, поиск международно-политического равновесия сопровождается сегодня жёстким противостоянием крупных держав и военных блоков. Неудивительно, что основным модулем отношений России и Запада в современном мире становится взаимная враждебность. Ушли в прошлое сдержки Основополагающего акта Россия – НАТО 1997 года. Надежды на построение общеевропейской архитектуры, развитие инструментов ограничения и транспарентности в военной сфере, кооперативные подходы к разрешению противоречий были отброшены.

На их место пришли ожесточённая риторика, широкий арсенал средств ослабления оппонента, наращивание военной активности в непосредственной близости от российских границ. Политика Запада в контексте ситуации на Украине свидетельствует о возрождении практики опосредованных конфликтов, призванных с ограниченными издержками и преимущественно чужими руками наносить оппонентам стратегическое поражение¹.

В июне 2022 года на Петербургском международном экономическом форуме президент России Владимир Путин, говоря о «революционных, тектонических изменениях в геополитике, глобальной экономике, в технологической сфере, во всей системе международных отношений», указал в очередной раз на банкротство планов однополярного мироустройства и отметил, что «формирование, рождение нового миропорядка – это трудный процесс»².

На новом витке международная система стремительно возвращается к контурам биполярного противостояния тридцатилетней давности.

¹ Trenin D.V. Hybridity as a Central Feature of Contemporary International Conflicts // Journal of International Analytics. 2022. V. 13. № 2. P. 12–22.

² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Президент России. 17.06.2022. URL: <http://kremlin.ru/misc/68669/videos/5069>.

Восстанавливаются стереотипы блокового мышления, растёт взаимное отчуждение, общение переходит на язык сдерживания. Вместе с тем проявляются пробелы во владении инструментарием кризисного балансирования, отражающие частичную утерю прежних навыков.

В период холодной войны стороны остро осознавали цену лобового столкновения и риски непреднамеренной эскалации. В середине XX века к осторожности подталкивал недавний трагический опыт Второй мировой войны. Последующие кризисы выработали у советских и западных элит понимание, что никакой исход вооружённого конфликта между сверхдержавами не оправдывает потерь, а любая победа окажется пирровой.

После распада биполярной системы произошла «контрреволюция ценностей» военно-политической сдержанности³. В угоду ярким публичным жестам государства склонны демонстрировать стратегическую безответственность и фривольность⁴. Мы стали свидетелями регулярных провокаций у морских и воздушных границ России, выдворения российских дипломатов, всё более жёсткой риторики со стороны руководства НАТО, включая генерального секретаря Йенса Столтенберга. Только стремительное повышение ставок в начале 2020-х годов постепенно начало возвращать странам Запада чувство опасности относительно возможных ошибок.

Цель нашего доклада – актуализация уроков холодной войны для текущей международной ситуации. Историю международных отношений второй половины XX века можно по праву назвать лабораторией опыта для отечественных и западных внешнеполитических элит. Она вобрала в себя набор натуральных экспериментов управления конфликтностью в условиях острых международных кризисов. Их наследие оказывается востребованным при поиске механизмов предотвращения спонтанной эскалации в условиях жёсткого балансирования на грани военного столкновения.

Наиболее часто в последнее время вспоминают Карибский кризис 1962 года, который представляется апогеем холодной войны, а другие

³ Богатуров А.Д. Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 2. С. 4–15.

⁴ Международные угрозы: перехват инициативы // Евразийские стратегии. 9.01.2022. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2022/>.

советско-американские обострения незаслуженно оказываются в его тени. Между тем и Берлинский кризис рубежа 1950–1960-х годов, и противостояние начала 1980-х на фоне спора вокруг «евроракет» отличались не меньшей интенсивностью⁵. Более того, они разворачивались в гораздо более значимом для сторон географическом пространстве, которое сегодня вновь становится местом локализации конфликтности между Москвой и Западом.

К тому же сфокусированность на советско-американском противоборстве отвлекает от кризисов, не связанных напрямую с отношениями в этой диаде. Период холодной войны нельзя целиком отождествлять только с конкуренцией СССР и США. Пример тому, в частности, Суэцкий кризис, который внёс решающий вклад в развенчивание британских и французских великодержавных амбиций⁶. Мир окончательно приобрёл биполярный характер, закрепив привилегированное положение Москвы и Вашингтона.

Могут ли сегодня интеллектуальные и политические элиты извлечь полезные модели реагирования на кризисные ситуации через изучение узловых точек холодной войны? Ведь очевидно, что структурные характеристики международной системы семидесятилетней давности были другими. Холодная война отличалась глобальным статус-кво. Поделённый по результатам Ялтинской и Потсдамской конференций мир породил негласную доктрину невмешательства в дела соседнего блока. Вашингтон не вмешивался в польский или чехословацкий кризисы, а СССР, как правило, не препятствовал сохранению Соединёнными Штатами контроля над Латинской Америкой⁷. Сегодня обвинения в ревизионизме в одинаковой степени применяются и к Москве, и к Пекину, и к странам Запада⁸. В той или иной степени существующие правила не удовлетворяют большинство основных игроков.

⁵ The Euromissile Crisis and the End of the Cold War / Eds. L. Nuti, F. Bozo, M.-P. Rey, and B. Rother. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2015.

⁶ Pearson J. Sir Anthony Eden and the Suez Crisis. London: Palgrave Macmillan UK, 2003.

⁷ Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3. С. 15–25.

⁸ Sushentsov A.A., and Wohlforth W.C. The Tragedy of US–Russian Relations: NATO Centrality and the Revisionists' Spiral // International Politics. 2020. V. 57. № 3. P. 427–450. Roy A. Russian Revisionism, Legal Discourse and the “Rules-Based” International Order // Europe-Asia Studies. 2020 V. 72. № 6. P. 976–995.

Но эпоха биполярности не прошла бесследно. Во всяком случае в Восточной Азии холодная война в чистом виде не кончилась с распадом СССР: исчезло блоковое противостояние, однако американская система «оси и спиц» осталась, переориентировавшись на угрозы со стороны Китая. Нынешний кризис между Россией и странами Запада раскрыл квазиблоковую природу европейского порядка, сохранявшуюся, несмотря на падение Берлинской стены. Каким образом можно использовать в новых условиях лекала прошлого? Окажется ли система сдерживания напряжённости, возникшая прежде, востребованной сегодня? Полезен ли опыт холодной войны для нынешних внешнеполитических элит? Данный доклад открывает дискуссию о том, чему стоит поучиться у опыта биполярности, а чего из прошлого нам стоит опасаться.

Концептуализация кризиса. Дебаты рационалистов и скептиков

Насколько вообще важны международно-политические кризисы с исторической точки зрения? Если рассматривать ключевые противостояния 1940–1950-х годов (спор вокруг Ирана, обострение из-за Западного Берлина, Корейская война), то СССР практически ни в одном из них не добился поставленных целей⁹. Тем не менее по итогам первой декады холодной войны Союз превратился в грозного оппонента Соединённых Штатов. Его подъём определялся ростом экономических и военных показателей, которому не препятствовали отдельные внешнеполитические отступления.

Окончание холодной войны также не было спровоцировано исходом какого-то отдельного локального столкновения. Было бы, например, преувеличением утверждать, что Советский Союз подкосила война в Афганистане. Несмотря на всю противоречивость и болезненность, она отвлекала сравнительно небольшую часть советского потенциала.

⁹ Zubok V.M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. The New Cold War History. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007.

Завершение биполярного противостояния последовало вслед за утратой СССР способности конкурировать с Западом в первую очередь в экономической и технологической сферах, в результате подрыва витальности идеологических основ социалистического общества¹⁰.

Вопрос значимости кризисов сопряжён с субъективизмом оценок, множественностью интерпретаций результатов военно-дипломатического взаимодействия. В частности, Карибский кризис нередко рассматривается как неудача советской дипломатии – отсутствие достаточной подготовки, непродуманное повышение ставок, поставившее мир на грань ядерной войны, а в итоге – болезненное отступление¹¹. Между тем Карибский кризис сыграл весомую роль в принуждении США к последующему диалогу с СССР, побудил Вашингтон воспринимать Москву более серьёзно. Следствием этой переоценки стала последующая разрядка. Иными словами, Советскому Союзу удалось извлечь выгоды в долгосрочной перспективе.

С точки зрения стратегического анализа эти кризисные эпизоды необходимо поместить в более широкий контекст. Закономерно возникает вопрос о том, в какой степени отдельные события способны влиять на макроисторические тренды? С другой стороны, какой бы была динамика биполярного соперничества без кризисов? Например, могла бы разрядка произойти раньше, не сорвись Парижский саммит в 1960 году из-за противоречий вокруг сбитого самолёта-шпиона *U-2*? Поиск ответа на такие вопросы ведёт на зыбкую почву контрфактуальных предположений.

В осмыслении самих кризисов значимая роль принадлежит соотношению логики участвующих сторон с характером последующих исходов. Не секрет, что результаты на первый взгляд продуманных действий нередко оказываются противоположны ожиданиям. Сложность в том, что государства обладают ограниченной способностью просчитывать возможные реакции оппонентов на собственные шаги. Тем более что взаимодействие

¹⁰ Zubok V.M. Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven: Yale University Press, 2021.

¹¹ Horelick A.L. The Cuban Missile Crisis: An Analysis of Soviet Calculations and Behavior // World Politics. 1964. V. 16. № 3. P. 363–389; Garthoff R.L. Cuban Missile Crisis: The Soviet Story // Foreign Policy. 1988. № 72. P. 61–80.

нередко происходит в несколько раундов, а стороны выносят различные уроки из предыдущих соприкосновений¹². Это расхождение затемняет перспективы управления конфликтностью.

Опыт анализа кризисных ситуаций также указывает на риск упрощения образа вовлечённых сторон, представляемых в качестве непримиримых антагонистов¹³. Отчасти это обусловлено сознательным позёрством с их стороны – для отстаивания своих интересов стороны склонны преувеличивать собственную решимость, не гнушаясь демонизацией оппонента. В действительности международная политика редко приобретает характер борьбы между безусловным добром и вселенским злом.

Нобелевский лауреат Томас Шеллинг отмечал, что для анализа международных конфликтов модель игры с нулевой суммой некорректна¹⁴. Исследователь был убеждён, что их следует рассматривать с позиции «игры с переменной суммой», при которой выигрыш одной стороны необязательно эквивалентен проигрышу другой. Например, в годы холодной войны между сверхдержавами были не только противоречия, но и взаимозависимость, и общие цели: в первую очередь разделяемая заинтересованность в предотвращении ядерного армагеддона. В отдельных случаях зона пересекающихся интересов Москвы и Вашингтона расширялась ещё больше. Обоюдovýгодный итог для СССР и США того же Суэцкого кризиса заключался в демонстрации «старым» державам их места в складывающейся биполярной конфигурации. Он ознаменовал схождение бывших колониальных империй с мировой арены. А обоюдovýгодным результатом гонки вооружений стало закрепление квазимонополии сверхдержав на ядерное оружие (Великобритания, Франция и Китай приобрели таковое, но амбиции иных государств после Договора о нераспространении старательно пресекались).

¹² Axelrod R. Tit-for-Tat Strategies. In Routledge Encyclopedia of International Political Economy. Routledge. London, 2001.

¹³ Herrmann R.K., Voss J.F., Schooler T.Y.E., and Ciarrochi J. Images in International Relations: An Experimental Test of Cognitive Schemata // International Studies Quarterly. 1997. V. 41. № 3. P. 403–433.

¹⁴ Schelling T.C. The Strategy of Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960.

Несмотря на наличие подобных элементов кооперативности, международно-политические кризисы в первую очередь являются соревнованиями политической воли. В условиях холодной войны стороны располагали пусть несовершенным, но устойчивым представлением о материальных потенциалах друг друга – количестве конвенциональных и ядерных сил. Вопрос о степени готовности применять эти силы и средства оставался открытым в свете издержек возможного столкновения. На этом фоне кризисы выполняли важную функцию – они были призваны продемонстрировать оппоненту приверженность каждой из сверхдержав защите собственных интересов, невзирая на риски¹⁵.

При этом ни одна из сторон не стремилась в действительности к вооружённому столкновению. Как итог возникла концепция «предпоследнего шага», увязывающая вероятность победы в кризисе с дозированием оказываемого давления¹⁶. Она отражала стратегические стимулы обострять ситуацию до предела, приближаясь к точке перерастания политического противоборства в военное. Привилегия сделать последний шаг, через порог эскалации, оставлялась противоположной стороне. После чего противник ставился перед дилеммой – болезненное отступление или прямое столкновение.

Показательный пример подведения конфронтации к грани конфликта – решение президента США Джона Кеннеди о введении морской блокады Кубы. Кеннеди отказался от вариантов с нанесением непосредственных ударов по территории острова, которые поставили бы Вашингтон в позицию инициатора вооружённой фазы конфликта. В случае же блокады потенциальная попытка прорыва сформированного кордона со стороны Советского Союза перенесла бы ответственность за военное столкновение сверхдержав на СССР. В этих условиях Москва предпочла деэскалацию, согласившись вывести размещённые на Кубе ракеты¹⁷.

¹⁵ Gartzke E.A., Carcelli Sh., Gannon J.A., and Zhang J.J. Signaling in Foreign Policy. In Oxford Research Encyclopedia of Politics / Eds. Gartzke E.A., Carcelli Sh., Gannon J.A., and Zhang J.J. Oxford University Press, 2017; Fearon J.D. Signaling Foreign Policy Interests: Tying Hands versus Sinking Costs // The Journal of Conflict Resolution. 1997. V. 41. № 1. P.68–90.

¹⁶ Schelling T.C. Arms and Influence. New Haven: Yale University Press, 1967.

¹⁷ Allison G.T., Zelikow Ph. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. 2nd ed. New York: Longman, 1999.

Но даже самые рационалистические подходы к манипулированию конфликтностью указывают на элемент непредсказуемости в кризисном балансировании. Для того, чтобы оппонент поверил в серьёзность выдвигаемых угроз, риск столкновения должен быть не нулевым. Более того, государству стоит демонстрировать «разумную иррациональность». Оно должно подтвердить готовность к действиям, которые в обычных ситуациях выглядели бы невыгодными или даже ошибочными. Например, от него может потребоваться вступить в конфликт из-за стратегически малозначимой и географически удалённой территории, чтобы предотвратить возможное давление на более значимом направлении.

Собственно, сама концепция ядерного сдерживания, сложившаяся в период холодной войны, построена именно на «разумной иррациональности» – стороны подписывались под обещанием, что, если будет нужно, они пойдут на коллективное самоубийство (ничем другим ядерная война между сверхдержавами закончиться не могла). Парадоксальным образом поддержание стабильности требует потенциально дестабилизирующих шагов, убеждающих противника в том, что вы действительно примените стратегические силы в случае необходимости.

Такого рода сигнализирование наталкивается, правда, на политико-психологическую трудность, вызванную искажением восприятия военно-дипломатических шагов друг друга¹⁸. В условиях международных кризисов сторонам приходится полагаться на ненадёжные каналы коммуникации и нередко считывать интенции контрагентов, опираясь на характер предпринимаемых действий. Подобное угадывание расширяет пространство для спекуляций и ошибочных интерпретаций. Последние, в свою очередь, делают ситуацию слабо просчитываемой, а значит – ещё более опасной.

Например, в 1979 году советское руководство расценило дипломатические манёвры руководства Афганистана как попытку внешнеполитической переориентации. При этом гипотетическое закрепление американского присутствия в соседней стране воспринималось как прямая угроза национальной безопасности СССР. Оно порождало опасения по поводу возможной дестабилизации советской Средней Азии. Эти

¹⁸Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton University Press, 1976.

страхи в значительной степени определили ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан¹⁹. В свою очередь Вашингтон ошибочно связывал действия Москвы со стремлением прорваться к стратегически значимым нефтяным ресурсам Персидского залива. Это подстегнуло его готовность оказывать массовую поддержку антисоветским силам в Афганистане.

На поведение лидеров государств в кризисах влияют не только стратегические соображения и психологические особенности, но также общественное мнение и внутривластная борьба, межведомственные склоки, бюрократическая рутинная и формальные процедуры²⁰. Следствием всего этого становится усложнение и замедление процесса принятия решений, отклонение от рациональной модели поиска выхода из сложившейся ситуации. В совокупности они сильно затрудняют попытки управления конфронтацией в условиях балансирования на грани конфликта.

Опыт взвинчивания ставок: стили лидерства и кризисные решения

Ключевая задача анализа кризисов биполярного противостояния лежит в изучении факторов, определявших готовность «взвинчивать ставки». Просчитывались ли первыми лицами государств последствия кризиса? Насколько адекватно они оценивали возможные риски? Где проходил их болевой порог, заставлявший ослабить давление? Ответы на все эти вопросы зачастую проясняются с большой задержкой, после появления мемуаров участников и открытия архивов. И, к счастью, по теме кризисов холодной войны, в отличие от некоторых других периодов, исследователям доступен богатый материал.

¹⁹ Zubok V.M. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. The New Cold War History. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007.

²⁰ Allison G.T. *Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis* // *American Political Science Review*. 1969. V. 63. № 3. P. 689–718.

Американский опыт особенно хорошо задокументирован и глубоко изучен. Его внимательное рассмотрение наталкивает на ряд нетривиальных выводов и полезных уроков. В частности, он показывает какое значение может иметь различие стилей национальных лидеров в определении хода событий. Руководители США очень поразному организовывали аппарат принятия решений, что отражалось на реализации национальной стратегии.

Например, *Гарри Трумэн* чурался внешней политики и часто делегировал принятие решений своим помощникам²¹. При этом он нередко уклонялся от разрешения возникавших между ними споров, предпочитая сохранять амбивалентную позицию над схваткой. Следствием этого становилась непоследовательность Вашингтона на международной арене, которая ярко проявилась, например, в преддверии Корейской войны. Незадолго до её начала США устами заместителя госсекретаря Дина Ачесона исключили Южную Корею из оборонительного периметра, что не помешало им впоследствии вступить в конфликт. Всего за несколько месяцев оценка Вашингтоном значимости Корейского полуострова принципиально поменялась.

Сходную антипатию к внешней политике впоследствии демонстрировал *Линдон Джонсон*. В середине 1960-х годов это способствовало втягиванию США в ещё один конфликт в Азии. Джонсон вступил во Вьетнамскую войну во многом из-за страхов перед республиканскими обвинениями в недостаточной решимости перед лицом коммунистической угрозы. При этом он сознательно ограничивал масштабы американского вовлечения, стараясь избежать как ответных шагов со стороны СССР и Китая, так и критики со стороны общественности внутри Соединённых Штатов. Джонсон опасался, что высокие издержки на внешнюю политику помешают ему реализовать ключевую внутриполитическую инициативу – программу построения «Великого общества». Результат оказался противоположным задуманному. Следствием нерешительности Джонсона стало ползучее увязание США во Вьетнаме,

²¹ Leffler M.P. A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford Nuclear Age Series. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1992; Offner A.A. “Another Such Victory”: President Truman, American Foreign Policy, and the Cold War // Diplomatic History. 1999. V. 23. № 2. P. 127–155.

сопровождавшееся постепенным расширением военного присутствия и утратой стратегических ориентиров²².

Напротив, *Дуайт Эйзенхауэр* как бывший военный поставил задачу укрепления дисциплины в американском внешнеполитическом аппарате. Он ввёл чёткие процедуры выработки решений и межведомственной координации, централизовав процессы взаимодействия. Эйзенхауэр лично уделял большое внимание международной повестке, регулярно участвуя в заседаниях Совета по национальной безопасности и замыкая основные обсуждения на себя²³. Его подход привёл к высокой забюрократизированности и снижению гибкости в подготовке решений. А склонность Эйзенхауэра принимать личную ответственность неоднозначно проявилась в ситуации со сбитым над советской территорией самолётом-шпионом *U-2*. Нельзя исключать, что, если бы он «перевёл стрелки» на подчинённых, срыва Парижской встречи можно было бы избежать. Во всяком случае, советская сторона восприняла признание Эйзенхауэра в санкционировании полётов как повышение ставок противоборства²⁴.

Стиль другого республиканского лидера, *Ричарда Никсона*, демонстрирует ещё одну модель руководства. В отличие от Трумэна и Джонсона он глубоко интересовался вопросами внешней политики и во многом опирался на богатый личный опыт. При этом в противоположность Эйзенхауэру, у которого он ранее был вице-президентом, Никсон персонифицировал процесс выработки решений. Отдавая предпочтение неформальным каналам, он старательно исключал бюрократический аппарат из внешнеполитического процесса. В результате Государственный департамент нередко оставался не в курсе проводимой политики, которая реализовывалась через советника по национальной безопасности Генри Киссинджера²⁵. Причём даже Киссинджеру Никсон не доверял полностью. Сложившаяся обстановка секретности и взаимной подозрительности отравляла атмосферу внутри администрации, порождая

²² Gaddis J.L. *The Cold War: A New History*. New York: Penguin Press, 2005.

²³ Мирошников С.Н. Проект «Солярий» администрации Д. Эйзенхауэра // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 72–76.

²⁴ Gaddis J.L. *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security Policy during the Cold War*. Rev. and Expanded ed. New York: Oxford University Press, 2005.

²⁵ Kissinger H. *White House Years*. New York: Simon & Schuster trade paperbacks, 2011.

дефицит координации. Правда, наиболее явственно эти негативные явления проявились не в сфере внешней политики, а в контексте уотергейтского скандала, который привёл к уходу Никсона с поста президента.

Рассматривая различные стили руководителей, необходимо учитывать, что одни и те же президенты в похожих условиях порой достигали существенно разных результатов. Это свидетельствует о влиянии политического обучения на деятельность администрации и заставляет осторожно подходить к оценке роли отдельных личностей. Показателен опыт команды *Джона Кеннеди*, которая допустила мощнейший провал высадки в заливе Свиней в рамках операции по свержению кубинского лидера Фиделя Кастро. Тем не менее спустя год тот же президент с той же группой советников продемонстрировал выдержку и стратегическую дальновидность в ходе Карибского кризиса²⁶.

На фоне богатой истории осмысления американского опыта механизмы принятия решений в СССР и в России проследить гораздо сложнее, зачастую их приходится реконструировать «по крупицам». Тем не менее очевидно, что советские лидеры обладали разными стилями руководства и имели свои подходы к кризисным ситуациям.

Иосифу Сталину приписывается наибольшая стратегическая дальновидность и склонность к просчёту международной обстановки на несколько шагов вперёд²⁷. В условиях послевоенного восстановления СССР он действовал осторожно, не боясь отступить там, где получал решительный отпор со стороны США. Сталин считал, что рано или поздно большая война повторится, но не спешил к эскалации столкновения, понимая, что соотношение сил не в пользу СССР – как в экономической области, так и в военной. Несмотря на ряд скептических высказываний относительно атомной бомбы, он адекватно оценивал американские успехи в этой области. В качестве примера осторожного подхода Сталина можно вспомнить вывод советских войск из Ирана под англо-американским давлением, отказ от поддержки коммунистических выступлений в Греции, а также фактическое признание провала блокады Западного Берлина.

²⁶ Allison G.T., and Zelikow Ph. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. 2nd ed. New York: Longman, 1999.

²⁷ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах: Документальные очерки. Москва: ТЕРРА, 2006.

Но в сталинской политике были и серьёзные ошибки. В частности, социалистическому блоку дорого обошлась поддержка авантюрных амбиций Ким Ир Сена по присоединению Южной Кореи. Также неподготовленное давление на Турцию в вопросе черноморских проливов, санкционированное лично советским руководителем, подтолкнуло Анкару к последующему вхождению в западный блок. А попытка дисциплинировать югославское руководство привела СССР к разрыву со значимым союзником на Балканах. Неверие Сталина в потенциал китайских коммунистов в борьбе с Гоминьданом демонстрирует обратный пример – недооценки имевшихся возможностей. Это один из тех редких случаев, когда советский руководитель сам охарактеризовал собственные действия как ошибочные.

В отличие от своего бывшего начальника *Никита Хрущёв* демонстрировал большую подверженность эмоциям при выстраивании политики, а его импровизации на международной арене нередко провоцировали острые кризисы. Таким показательно спонтанным было и решение о развёртывании ракет на Кубе, приведшее к Карибскому кризису. Отдыхавшему в Пицунде Хрущёву показали в отдалении берег Турецкой Республики и пояснили, что с этой стороны по СССР может быть нанесён ядерный удар. После чего руководитель Советского государства задумал проведение операции «Анадырь»²⁸.

Порывистость Хрущёва не отменяла его искреннего желания разрядки, чему, впрочем, препятствовали разные осложнения на международной арене. Сам он описывал логику внешней политики через «необходимость сохранять напряжение» в отношениях с контрагентами. Архивные документы показывают, что в стратегическом планировании СССР волюнтаризм оборачивался непроработанностью потенциальных ответов на контругрозы со стороны государств Запада²⁹. Мало кто задавался вопросом: «А что, если Запад откажется от наших требований и предпримет ответные шаги?».

²⁸ Kramer M. Tactical Nuclear Weapons, Soviet Command Authority, and the Cuban Missile Crisis: A Note // The International History Review. 1993. V. 15. № 4. P. 740–751.

²⁹ Quenoy P.Du. The Role of Foreign Affairs in the Fall of Nikita Khrushchev in October 1964 // The International History Review. 2003. V. 25. № 2. P. 334–356.

Говоря об издержках хрущёвского волюнтаризма, стоит признать политическое чутьё советского руководителя. Без него трудно объяснить, каким образом он смог оказаться у власти, обойдя более авторитетных и влиятельных конкурентов. Это чутьё проявлялось и на международной арене. Даже если решения Хрущёва нередко порождали кризисные ситуации, он тонко чувствовал пределы возможного давления и не впадал в очарование собственной яростной риторики. Порой он демонстрировал гибкость во взаимодействии не только с Соединёнными Штатами, но и со строптивыми соратниками по социалистическому лагерю. В частности, он попытался восстановить отношения с Югославией. Он пошёл на уступки в ходе польского кризиса, когда из руководства в Варшаве были убраны советские ставленники. Тем не менее именно в отношениях с союзниками Хрущёв допустил, возможно, главный внешнеполитический провал, доведя противостояние с Китаем до разрыва³⁰.

На его фоне стиль *Леонида Брежнева* представлял полную противоположность. При Брежневе СССР стал проводить более осторожный курс, избегая инициирования крупных обострений. При этом внешнеполитический процесс был в большей степени институционализирован – в принятие и реализацию решений стали вовлекаться дипломаты, представители отделов ЦК КПСС, военные и даже экспертные институты. Всё это задокументировано: международные вопросы, прежде всего в области разрядки, подробно обсуждались на Политбюро³¹. Был налажен обмен информацией между профильными ведомствами. Обновлённый процесс внешнеполитического планирования хорошо прослеживается в архивных документах: в 1969 году, после эскалации военного конфликта с КНР, был принят всеобъемлющий документ, пересматривающий весь внешнеполитический курс СССР.

Но и такая система не давала абсолютных гарантий от ошибок и неверных расчётов. Так, 8 декабря 1979 года в Москве состоялось

³⁰ History of International Relations and Russian Foreign Policy in the 20th Century / Eds. A.V. Torkunov, W.C. Wohlforth, B.F. Martynov. V. 1. Newcastle upon Tyne. UK: Cambridge Scholars Publishing, 2020.

³¹ Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

заседание «малого Политбюро» в составе председателя КГБ Юрия Андропова, министра иностранных дел Андрея Громыко, главного идеолога Михаила Суслова и министра обороны Дмитрия Устинова, посвящённое вопросу о введении войск в Афганистан. Участники совещания после долгих колебаний приняли решение направить в соседнюю страну ограниченный контингент советских войск – решение, впоследствии оказавшееся одним из самых провальных в истории советской внешней политики³².

Влияние на кризис третьих стран

Один из недостаточно освещённых вопросов в осмыслении кризисов холодной войны заключается в определении роли третьих стран в ходе эскалации напряжённости. Между тем союзники сверхдержав, да и неприсоединившиеся государства, не были безмолвными статистами. Наоборот, они нередко выступали инициаторами кризисных ситуаций или иным образом влияли на своих патронов. Господствовавшая биполярность не исключала случаев, когда «хвост вилял собакой».

«Кризис неизбежно разразится в течение 24 или 72 часов. И если всё-таки ... империалисты завоюют Кубу, опасность такой агрессивной политики настолько велика, что после этого события Советский Союз не должен допустить обстоятельств, в которых станет возможной первая ядерная атака империалистов», – писал Фидель Кастро Никите Хрущёву в 1962 году³³. Фактически он подталкивал советского лидера к упреждающему удару по США. Цитата из письма наглядно показывает один из важнейших аспектов влияния третьих стран на развитие кризиса между крупными державами: оно может быть крайне дестабилизирующим.

Напротив, сверхдержавы нередко оказывали примирительное и сдерживающее воздействие, в том числе на своих последователей.

³² Сажин В. 39 лет вводу советских войск в Афганистан. Как это было. Международная жизнь. 25.12. 2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21332?ysclid=l5lboczw2d712871150>.

³³ Цит. по: Макарычев М. Фидель Кастро. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 243.

Пример тому – кризис 1968 года, когда вооружённые силы КНДР захватили американский разведывательный корабль «Пуэбло». СССР, вовлечённый в противостояние с Соединёнными Штатами, выступил в роли посредника между Вашингтоном и Пхеньяном, убеждая стороны не идти на обострение.

На протяжении второй половины XX века роль малых государств в структуре великодержавного взаимодействия кардинально менялась. На начальном этапе холодной войны ключевыми игроками оставались лидеры двух блоков. Например, в серии берлинских кризисов державами, определяющими судьбу Германии, оставались США и СССР, а местные политические элиты играли ограниченную роль.

С течением холодной войны роль третьих стран системно возрастала. Например, при Брежневе Советский Союз начал фактически отчитываться перед соратниками по Организации Варшавского договора за те или иные внешнеполитические решения. Позиция союзников серьёзно влияла на Москву³⁴. Лидеры стран «народной демократии» боролись за своё право принимать участие в обсуждении важнейших внешнеполитических акций СССР, и к началу чехословацкого кризиса в 1968 году Брежнев был вынужден учитывать позицию лидеров ГДР, Польши, Венгрии. На фоне сохранявшейся в Москве разногласия все они выступали сторонниками жёсткой линии.

Во внешнеполитическом планировании СССР всё большее место занимала задача сохранения статусного положения в глазах союзников. Так, Москва отказалась от вступления в Азиатский банк развития, опасаясь имиджевых потерь в глазах Пекина, его критики в отходе от антиимпериалистического курса³⁵. Иногда и сам СССР становился сдерживающим фактором развития малых стран. На волне триумфализма разрядки и организации СБСЕ начались переговоры об интеграции между СЭВ и Комиссией Европейских сообществ. Однако неудача в выстраивании экономических связей между двумя ключевыми организациями произошла из-за невозможности Сообществ выстраивать отношения с государствами – членами СЭВ напрямую, минуя СССР. На это не пошла Москва.

³⁴ Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

³⁵ Там же.

Не менее значимая роль младших союзников наблюдалась в попытках реформировать СЭВ. Например, польская сторона предлагала уточнить основные направления и принципы функционирования организации. В частности, выражалось желание разграничить сферу компетенции СЭВ и круг задач, лежащих в исключительном ведении национальных органов каждой страны (размер импорта или экспорта, который должен определяться собственными потребностями государства). На первый взгляд, это выглядело как национальный эгоизм и желание снизить роль СЭВ. Однако детальное изучение архивных документов говорит о том, что это скорее было предложение рационализировать его работу путём разграничения функций, которое освободило бы СЭВ от перегруженности второстепенными вопросами.

Значение третьих стран хорошо прослеживается в исследованиях динамики альянсов. Принято считать, что союзники великой державы – это всегда сателлиты, не обладающие собственной субъектностью. Но примеры Корейской войны, Карибского кризиса показывают, как гегемон становится введомой стороной конфликта. Кроме того, опыт отношений между Северной и Южной Кореей демонстрирует, что холодная война влияла не только во взаимодействие между сверхдержавами, но и на конкуренцию других участников соперничающих лагерей. Корейцы, как северные, так и южные, занимали подчинённые позиции в советском и западном блоках, но действовали порой самостоятельно.

* * *

Несмотря на серьёзное отличие современной международной системы от биполярной эпохи, уроки кризисов XX века остаются значимыми для современных политиков. И в российской Стратегии национальной безопасности 2021 года³⁶, и во Временном руководстве по стратегической национальной безопасности США 2021 года говорится о возвращении к «силовому соперничеству» и «межгосударственному

³⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Президент России. 2.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

противостоянию» на фоне растущей интернационализации региональных конфликтов и постоянного возрастания внимания к ним со стороны великих держав³⁷.

Если вдуматься, конфликт вокруг Украины в его сегодняшней фазе гораздо больше напоминает кризисы времён холодной войны, чем интервенции десятилетий после распада биполярности. С одной стороны, мы наблюдаем боевые действия войск Донецкой и Луганской Народных Республик при поддержке российской армии, с другой – действия вооружённых сил Украины, помощь которым (военно-техническую, разведывательно-информационную, политико-экономическую) оказывают страны НАТО и ЕС. И поскольку мы вступаем в систему отношений, основанную на взаимной враждебности, уроки холодной войны востребованы как никогда.

Во-первых, как показывает история, необходим грамотный просчёт рисков, недопущение эмоциональных решений и высказываний, которые могут спровоцировать контрагента на столь же необдуманные шаги.

Во-вторых, взвинчивание ставок должно сопровождаться поддержанием связи с контрагентом, сигналами о дальнейших намерениях и осознанием общих интересов, несмотря на соперничество.

В-третьих, остаётся актуальной тактика рукотворной неопределённости. Однако внешнеполитическая непредсказуемость должна строиться на понимании пределов допустимой эскалации.

В-четвёртых, нужно учитывать противоречивое воздействие третьих стран на противоборство ведущих держав, в том числе их дестабилизирующее влияние на отношения более крупных игроков.

Таким образом, на фоне возврата к стратегической конфронтации события XX века становятся ценным пособием, из которого можно черпать инструменты управления современными кризисами. В этом условном пособии есть масса наглядных примеров того, какие практики и механизмы себя оправдали, а какие нет.

³⁷ Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>.

Литература

Богатуров А.Д. Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 2. С. 4–15.

Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3. С. 15–25.

Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Макарычев М. Фидель Кастро. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2017. 639 с.

Международные угрозы: перехват инициативы // Евразийские стратегии. 9.01.2022. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2022/>.

Мирошников С.Н. Проект «Солярий» администрации Д. Эйзенхауэра // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 72–76.

Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах: Документальные очерки. Москва: ТЕРРА, 2006. 749 с.

Сажин В. 39 лет вводу советских войск в Афганистан. Как это было. Международная жизнь. 25.12. 2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21332?ysclid=l5lboczw2d712871150>.

Allison G.T. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // *American Political Science Review*. 1969. V. 63. № 3. P. 689–718.

Allison G.T., and Zelikow Ph. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. 2nd ed. New York: Longman, 1999.

Allison R. Russian Revisionism, Legal Discourse and the “Rules-Based” International Order // *Europe-Asia Studies*. 2020. V. 72. № 6. P. 976–995.

Axelrod R. Tit-for-Tat Strategies. In *Routledge Encyclopedia of International Political Economy*. Routledge. London, 2001.

Fearon J.D. Signaling Foreign Policy Interests: Tying Hands versus Sinking Costs // *The Journal of Conflict Resolution*. 1997. V. 41. № 1. P. 68–90.

Gaddis J.L. *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security Policy during the Cold War*. New York: Oxford University Press, 2005.

Gaddis J.L. *The Cold War: A New History*. New York: Penguin Press, 2005.

Garthoff R.L. Cuban Missile Crisis: The Soviet Story // *Foreign Policy*. 1988. № 72. P. 61.

Gartzke E.A., Carcelli Sh., Gannon J.A., and Zhang J.J. Signaling in Foreign Policy // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* / Eds. Gartzke E.A., Carcelli Sh., Gannon J.A., and Zhang J.J. Oxford University Press, 2017.

Herrmann R.K., Voss J.F., Schooler T.Y.E., and Ciarrochi J. Images in International Relations: An Experimental Test of Cognitive Schemata // *International Studies Quarterly*. 1997. V. 41. № 3. P. 403–433.

History of International Relations and Russian Foreign Policy in the 20th Century / Eds. A.V. Torkunov, W.C. Wohlforth, and B.F. Martynov. Vol. 1. Newcastle upon Tyne. UK: Cambridge Scholars Publishing, 2020.

Horelick A.L. The Cuban Missile Crisis: An Analysis of Soviet Calculations and Behavior // *World Politics*. 1964. V. 16. № 3. P. 363–389.

Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton University Press, 1976.

Kissinger H. *White House Years*. New York: Simon & Schuster trade paperbacks, 2011.

Kramer M. Tactical Nuclear Weapons, Soviet Command Authority, and the Cuban Missile Crisis: A Note // *The International History Review*. 1993. V. 15. № 4. P. 740–751.

Leffler M.P. *A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War*. Stanford Nuclear Age Series. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1992.

Offner A.A. “Another Such Victory”: President Truman, American Foreign Policy, and the Cold War // *Diplomatic History*. 1999. V. 23. № 2. P. 127–155.

Pearson J. *Sir Anthony Eden and the Suez Crisis*. London: Palgrave Macmillan UK, 2003.

Quenoy P.Du. The Role of Foreign Affairs in the Fall of Nikita Khrushchev in October 1964 // *The International History Review*. 2003. V. 25. № 2. P. 334–356.

Schelling T. C. *Arms and Influence*. New Haven: Yale University Press, 1967.

Schelling T. C. *The Strategy of Conflict*. Cambridge: Harvard University Press, 1960.

Sushentsov A.A., and Wohlforth W.C. The Tragedy of US–Russian Relations: NATO Centrality and the Revisionists’ Spiral // *International Politics*. 2020. V. 57. № 3. P. 427–450.

The Euromissile Crisis and the End of the Cold War / Eds. L. Nuti, F. Bozo, M.-P. Rey, and B. Rother. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2015.

Trenin D. Hybridity as a Central Feature of Contemporary International Conflicts // *Journal of International Analytics*. 2022. V. 13. № 2. P. 12–22.

Zubok V.M. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. The New Cold War History. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007.

Zubok V.M. *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. New Haven: Yale University Press, 2021.

 RuValdaitweets
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ